

3. Бурганова, И. Н. Политическая интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / И. Н. Бурганова. – СПб., 2007. – 189 л.

4. Этциони, А. От империи к сообществу: новый поход к международным отношениям / А. Этциони; пер. с англ. под ред. [и с предисл., с. VII–XXXV] В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 342 с.

5. Deutsch, K. W. Political Community and the North Atlantic Area International / K. W. Deutsch. – NY, 2003. – 380 p.

6. Haas, E. W. International integration: The European and the Universal process / E. W. Haas // Limits and problems of European integration. – 1963. – P. 6–36.

7. Михалева, Т. Н. Правовое регулирование региональной экономической интеграции: вызовы и перспективы / Т. Н. Михалева. – Минск: Институт радиологии, 2016. – 194 с.

8. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Астане, 29 мая 2014 г. // Евразийский экономический союз. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014. – Дата доступа: 13.02.2022.

9. Бахлова, О. В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / О. В. Бахлова. – М., 2007. – 42 с.

10. Василик, М. А. Политология / М. А. Василик // Словарь-справочник. – М., 2001. – 328 с.

11. Максимова, М. М. Основные проблемы империалистической интеграции: экономический аспект / М. М. Максимова. – М.: Мысль, 1971. – 357 с.

12. Барановский, В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе: Некоторые вопросы теории и практики / В. Г. Барановский. – М.: Наука, 1983. – 264 с.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

Д. В. Драгун

Белорусский государственный университет, Минск

D. Dragun

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.22

РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

RADICALISM AND EXTREMISM IN THE MODERN POLITICAL PROCESS

Статья посвящена выявлению особенностей радикализма и экстремизма в современном политическом процессе. В рамках статьи сформулированы авторские дефиниции терминов «радикализм» и «экстремизм», рассмотрен вопрос о соотношении радикализма и экстремизма, установлено место левого и правого радикализма и экстремизма в современном политическом процессе.

Ключевые слова: радикализм; экстремизм; «новые правые»; «новые левые»; политическая протестная киберактивность.

The article is devoted to the identification of the features of radicalism and extremism in the modern political process. Within the framework of the article, the author's definitions of the terms "radicalism" and "extremism" are formulated, the question of the relationship between radicalism and extremism is considered, the place of left and right radicalism and extremism in the modern political process is established.

Keywords: radicalism; extremism; "new right"; "new left"; political protest cyber activity.

В условиях мировой политической и социально-экономической турбулентности исследование феноменов радикализма и экстремизма приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, «проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды» относятся к числу основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь [1]. Актуальность данного положения подтверждается отечественной судебной практикой: в 2021 г. судами рассмотрено около 1200 уголовных дел экстремистской направленности, по которым осуждено более 1600 человек [2].

Радикализм и экстремизм как общественно-правовые феномены находятся на стыке изучения различных дисциплин, таких как политология, социология, экономика, педагогика, социальная психология и т. д. В современных социальных науках существует множество подходов к изучению и трактовке различных аспектов радикализма и экстремизма, разрабатываются научные и правовые концепции определения экстремистских проявлений.

Отечественная и зарубежная наука уделяет пристальное внимание различным аспектам экстремизма и радикализма, экстремистских сообществ и противодействия им. Существенный вклад в разработку данной темы внесли западные ученые: Т. Адорно, Р. Берт, П. Бурдьё, К. Васмунд, Ю. Вебер, Г. Вейман, С. Вилсон, В. Випперман, Т. Гарр, Э. Гидденс, М. Грановеттер, Д. Делла Порто, Д. Деннинг, Р. Коулман, У. Лакер, С. Липсет, Л. Марч, Р. Патнэм, С. Пэйн, М. Сейджман, Э. Фромм, К. Хильдебрандт и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах таких белорусских, украинских, российских ученых и аналитиков, как Р. Г. Абдулатов, О. И. Аршба, А. М. Байчоров, Э. Я. Баталов, Л. А. Бураева, С. О. Бышок, Г. А. Василевич, А. М. Верховский, В. В. Витюк, М. К. Горшков, В. С. Грибовский, О. А. Жирнов, А. С. Капто, Д. А. Мигун, Е. Н. Молодчая, Б. А. Ночвина, Г. В. Осипов, О. В. Охошин, И. Н. Панарин, П. М. Рукавицын, В. Н. Семенова, В. Н. Томалинцев, А. К. Уледов, С. М. Хенкин, С. И. Чудинов и др.

Несмотря на значительный объем публикаций по заявленной теме, остается широкий спектр вопросов, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с политологических позиций.

Цель статьи – выявить особенности радикализма и экстремизма в современном политическом процессе.

Исторические проявления радикализма как социально-политического явления, появившиеся вместе с борьбой за завоевание и удержание власти, наблюдались задолго до возникновения соответствующего термина. Впервые термин «радикализм» (от латинского «radix» – «корень», или позднелатинского «radicalis» – «коренной», «корневой») использован английским философом И. Бентамом в конце XVIII в. применительно к созданному им новому направлению философии – утилитаризму. В дальнейшем данный термин распространился на политические, религиозные и культурные практики и уже в XIX в. окончательно закрепился за социальными и политическими взглядами и идеологиями.

В научном дискурсе не сложилось единообразного понимания термина «радикализм». Сущность данного социально-политического феномена может быть рассмотрена с различных позиций, сходящихся во мнении, что радикализму присущи, во-первых, ориентация на коренное преобразование социально-политических отношений и институтов по сравнению с существующими образцами и, во-вторых, приверженность решительным способам преобразования действительности [3, с. 3].

При рассмотрении сущности радикализма особую значимость имеет вопрос о его соотношении с экстремизмом.

Первоначально экстремизм имел чисто политический оттенок и использовался в качестве основного инструмента решения политических споров и в качестве способа удержания власти. При этом отсутствовали идеологическая, расовая, национальная, религиозная ненависть или вражда. Однако вскоре экстремизм приобретает национальный и религиозный характер, что можно проследить в деятельности сект сикариев и исмаилитов-низаритов.

Термин «экстремизм» как таковой появился во время Гражданской войны в США 1861–1865 гг., когда бескомпромиссных представителей обеих враждующих сторон Юга и Севера называли «экстремистами обеих частей страны» [4, с. 24].

В русскоязычном научном дискурсе единого понимания значения термина «экстремизм» не существует, что говорит о многообразности и сложности данного феномена [3, с. 4–5].

В свете наличия многообразных определений терминов «радикализм» и «экстремизм» встает проблема их разграничения. Одним из наиболее распространенных вариантов разграничения является представление, что радикализм проявляется в сфере идей, в то время как экстремизм – в сфере деятельности [5, с. 236]. Подобный «деятельностный» подход к интерпретации экстремизма как совокупности определенных действий получил распространение в международных и национальных нормативных правовых актах. Идеи и взгляды, а также их распространение не подпадают под подобную интерпретацию экстремизма и, следовательно, интерпретируются как радикализм [6, с. 54].

Из этого, однако, не следует, что «радикализм» ограничивается радикальными идеями и представлениями. Термин «радикализм» используется

также для обозначения комплекса решительных действий (которые могут и не быть крайними), нацеленных на коренное (радикальное) изменение социума в целом, существующих социальных и политических институтов, а экстремизм – для обозначения крайних мер по изменению политической реальности. Так, радикалы – это приверженцы решительных действий, а экстремисты – сторонники применения крайних средств. Четким критерием разграничения радикальной и экстремистской деятельности в данной ситуации является «применение экстремистами нелегитимного противоправного насилия» [7, с. 50–51].

С учетом вышеизложенного сформулируем определения терминов «радикализм» и «экстремизм»

Под *радикализмом* в рамках данного исследования понимается комплекс идей и социальных практик, направленных на коренное преобразование различных компонентов политической системы тем или иным способом.

Под *экстремизмом* в рамках данного исследования понимается комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы.

Акты насилия относятся к категории экстремистских, если они:

- а) используются в качестве прямого способа достижения политических, идеологических и социальных целей;
- б) являются инструментом публичного устрашения;
- в) направлены на то, чтобы причинить вред не непосредственному противнику, а другим людям [8, с. 34].

Экстремизму на современном этапе присущи следующие отличительные признаки:

1. Агрессивное отношение и жестокость действий членов экстремистских организаций по отношению как к непосредственным противникам, так и к посторонним гражданам.
2. Политизация действий экстремистов – преступления экстремистской направленности совершаются с использованием политических, националистических, религиозных лозунгов и требований.
3. Создание и использование экстремистскими организациями и движениями незаконных вооруженных формирований, в том числе наемников.
4. Увеличение числа общеуголовных преступлений, сопутствующих преступлениям экстремистской направленности [9, с. 40–44].

Важной отличительной чертой современного политического протеста, выражающегося в том числе и в форме экстремизма, является его технологичность. На этом фоне появились новые формы проявления политических протестов, называемые виртуальными, для обозначения которых предлагаем использовать термин «политическая протестная киберактивность» [10, с. 36]. На сегодняшний день отсутствует четкая классификация виртуальных форм политического протеста. В данном контексте представляется необходимым предложить авторскую классификацию форм политической протестной киберактивности. В основу классификации следует положить

критерий соответствия виртуального протеста действующим нормативным правовым актам. Формы политической протестной киберактивности в таком случае подразделяются на конвенциональные и неконвенциональные [10, с. 38].

В современной науке сложилось значительное количество подходов к типологизации радикализма и экстремизма. Тем не менее ни один из них не нашел закрепления на нормативном уровне; а исследователи данной проблематики солидаризируются во мнении, что типологизация вышеуказанных явлений носит условный характер и находится в зависимости от поставленных научных задач. В рамках данного исследования наибольший интерес представляет типологизация радикализма и экстремизма по политической основе на «правый» и «левый».

Наиболее активными представителями современного правого радикализма являются «новые правые», в основу идеологии которых положена идея о построении общества в соответствии с моделью гомогенной этнической идентичности, предполагающей приоритет принципа права крови (*jus sanguinis*) перед принципом права почвы (*jus soli*) при предоставлении гражданства.

Другими идеологами «новых правых», относительно которых сложился консенсус у отдельных представителей идеологии, следует назвать:

1. Критику сложившейся демократической системы как коррупционной, излишне элитарной и игнорирующей потребности населения.
2. Приоритет национальных интересов над интересами международного сообщества и транснациональных корпораций.
3. Критику существующих наднациональных интеграционных образований как механизмов укрепления социально-экономических проблем отдельных членов.
4. Уменьшение роли государства в экономической жизни [11, с. 98–99].

С точки зрения «новых правых» партий, идеальное европейское государство должно всегда оставаться национальным, независимым от наднациональных институтов власти, поддерживающим культуру и рождаемость коренного населения, свободным от власти партукратии и максимально нейтральным в международных делах.

При этом тезис об отказе от принципа многопартийности в пользу «народной воли», санкционирующей наделение избранного актора полномочиями по широкому кругу вопросов, является дискуссионным в «новой правой» среде и решается отдельными национальными партиями в зависимости от политико-культурного контекста соответствующей страны.

Отношение к сложившемуся конституционному строю следует рассматривать в качестве критерия для выделения в идеологии «новых правых» следующих течений:

1. Радикальные «новые правые», стремящиеся к коренному системному преобразованию модели взаимоотношения национального государства и наднациональных интеграционных образований, пересмотру миграцион-

ной политики государства при безоговорочной поддержке существующего конституционного строя.

2. Крайние «новые правые», для которых характерен скептицизм в отношении существующего конституционного строя, партийной и электоральной систем.

Наибольшую активность в крайне левой части современной партии проявляют «новые левые» политические партии, общей чертой которых является их социальная ориентация. «Новые левые» наиболее радикальны в своем отрицании эффективности и перспектив рыночной экономики в сфере удовлетворения социальных запросов населения. Построение социального государства, по их мнению, возможно вследствие преобразования существующей экономической системы или ее ликвидации [12, с. 10].

В сфере внутренней политики у различных течений «новых левых» сложился консенсус об ограничении масштабов приватизации; введении 35-часовой рабочей недели; расширении полномочий профессиональных союзов; внедрении дополнительных гарантий занятости; децентрализации системы государственного управления; внедрении элементов прямой демократии.

В сфере международной политики «новые левые» выступают за государственное регулирование международных финансовых операций; отказ от ядерного оружия; расформирование военно-политических блоков; укрепление международного сотрудничества в сфере коллективной безопасности.

Тем не менее имеют место и расхождения по ряду вопросов. В частности, коммунистическое крыло «новых левых» не акцентирует внимание на проблеме прав сексуальных меньшинств, декриминализации наркотиков и противодействия ядерным державам.

Руководствуясь сущностными характеристиками «новых левых» партий, можно выделить радикальных «новых левых», стремящихся к коренному системному преобразованию капиталистического общества, однако признающих основы конституционного строя, и крайних «новых левых», для которых характерен отказ от любых форм сотрудничества с политическими силами, находящимися в рамках правового поля.

Анализ программных положений и электоральных успехов современных праворадикальных и леворадикальных партий позволяет сделать вывод об активном участии представителей радикальных «новых правых» («Шведских демократов» и «Йоббик») и радикальных «новых левых» («Ди Линке» и «Шинн Фейн») в политическом процессе путем использования конвенциональных парламентарных форм борьбы. Участие крайних «новых левых» (Марксистско-ленинской партии Германии и ЭТА) в легальном политическом процессе носит вторичный характер, что предопределяет их низкую популярность. В то же время отмечаются значительные электоральные успехи крайних «новых правых» («Золотой зари» и «Партии свободы»), что связано как с популярностью «миграционной» темы их партийных

программ в условиях кризиса мультикультурной европейской политики и террористического алармизма, так и с активным участием в выборах на национальном и местном уровнях.

Деятельность крайних «новых правых» и крайних «новых левых» за счет наличия в их риторике признаков разжигания расовой, национальной, религиозной, иной социальной вражды или розни или использования неконвенциональных форм борьбы может быть квалифицирована как экстремизм.

В результате проведенного исследования раскрыты понятие, сущность и генезис радикализма и экстремизма. Данные термины закрепились за социальными и политическими взглядами и идеологиями в общепотребительном дискурсе в середине XIX – начале XX вв., однако в настоящее время научным сообществом не выработаны их универсальная дефиниция и критерии разграничения.

Под радикализмом нами предложено понимать комплекс идей и социальных практик, направленных на коренное преобразование различных компонентов политической системы тем или иным способом, а под экстремизмом – комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы [9, с. 451]. Критерием разграничения данных терминов является применение экстремистами нелегитимного противоправного насилия или публичное оправдание его использования.

Характерными чертами радикализма выступают ориентация на коренное преобразование социально-политических отношений и институтов; приверженность решительным способам преобразования действительности; абсолютизация наиболее «простых» решений в качестве самых эффективных способов урегулирования многоаспектных социальных, политических, экономических, религиозных и иных проблем.

Экстремизму присущи следующие отличительные признаки: резкость действий членов экстремистских организаций по отношению к непосредственным противникам и к посторонним гражданам; политизация своих действий; создание и использование незаконных вооруженных формирований; увеличение числа общеуголовных преступлений, сопутствующих преступлениям экстремистской направленности.

В современной науке сложилось значительное количество подходов к типологизации радикализма и экстремизма. По политической основе радикализм и экстремизм можно подразделить на «правый» и «левый». Наиболее активными представителями современного правого радикализма и экстремизма являются «новые правые» политические партии, в основу идеологии которых положена идея о построении общества в соответствии с моделью гомогенной этнической идентичности. В крайне левой части современной партиомы преобладают «новые левые» политические партии и движения, общей чертой которых является социальная ориентация.

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // Комитет гос. безопасности Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/ukaz575>. – Дата доступа: 06.06.2022.
2. Генпрокуратура: по делам экстремистской направленности в 2021 году осуждено более 1,6 тыс. человек [Электронный ресурс] // БелТА. – 2022. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/genprokuratura-po-delam-ekstremistskoj-napravlenosti-v-2021-godu-osuzhdено-bolee-16-tys-chelovek-480909-2022/>. – Дата доступа: 06.06.2022.
3. Драгун, Д. В. К вопросу о дефиниции терминов «радикализм» и «экстремизм» / Д. В. Драгун // Социально-гуманитарные знания: материалы XVIII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 30 нояб. 2021 г. / редкол.: И. В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2021. – С. 3–7.
4. Корнилов, Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма / Т. А. Корнилов // Российский следователь. – 2011. – № 17. – С. 23–25.
5. Бенько, Л. А. Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации / Л. А. Бенько, В. А. Должиков // Изв. Алтайского гос. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 234–237.
6. Осипов, В. Г. Радикализм, экстремизм и терроризм. К методологии проблематизации / В. Г. Осипов // Социологический альманах. – 2018. – № 1. – С. 51–61.
7. Арчаков, М. К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / М. К. Арчаков; Благовещенский гос. пед. ун-т. – Благовещенск, 2016. – 320 л.
8. Кузьмин, А. В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05 / А. В. Кузьмин; Тамбовский гос. ун-т. – Тамбов, 2014. – 426 л.
9. Воронина, Е. Ю. Типология политического радикализма / Е. Ю. Воронина // Ученые зап. Российского гос. социального ун-та. – 2009. – № 4. – С. 86–89.
10. Драгун, Д. В. Политическая протестная киберактивность: понятие, формы и механизмы противодействия / Д. В. Драгун // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки: сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2021. – Вып. 20, ч. 1: Политические науки. – С. 35–42.
11. Ариба, О. И. Особенности правового радикализма в европейских странах / О. И. Ариба, С. А. Татунц // Гос. служба. – 2013. – № 1. – С. 98–101.
12. Hildebrandt, C. Fragmentierung und Pluralismus von Linksparteien in Europa / C. Hildebrandt // Von Revolution bis Koalition: Linke Parteien in Europa / B. Daiber, C. Hildebrandt, A. Striethorst; her. von C. Hildebrandt. – Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010. – S. 9–38.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)